

Размышления по поводу книг А.Н. Ермоленко «Коммуникативна практична філософія: підручник» (К.: Лібра, 1999) и « Соціальна етика та екологія: монографія» (К.: Лібра, 2010)

А.А. ЧЕМШИТ

Севастопольский национальный технический университет, м. Севастополь, Украина
E-mail: fsn.sntu@gmail.com

Reflections on the book A.N. Yermolenko «Communicative practical philosophy: textbook» (K.: Libra, 1999) and «Social ethics and ecology: monograph» (K.: Libra, 2010)

A.A. CHEMSHIT

Sevastopol national technical university, Sevastopol, Ukraine, E-mail: fsn.sntu@gmail.com

Учебник по «Коммуникативной практической философии» уже прошел через горнила научно-методической обкатки и, получив по ее первичным результатам положительные отзывы, может быть со всеми удобствами размещен на книжной полке. Это действительно так, поскольку книга представляет собой не только результат авторской рефлексии трансформации социальных функций философии на стыке XX и XXI столетий, но в ней добросовестно представлены переводы Хабермаса, Апеля и других авторов, трактующих механизм производства и передачи смыслов в многообразных отражениях субъект-объектного и субъект-субъектного отношения.

Такой массивный слепок культуры евроцентризма, хотя методологические и теоретические привкусы Пирса весьма ощутимы, за истекшее десятилетие не мог не обрести новые смыслы, оценочные акценты. Некоторыми из них нам и хотелось бы поделиться, памятуя чеканные тютчевские строки: «...и мысль нетленная в чертог теней вернулась».

Общая смысловая архитектура учебника вызывает одобрение самым способом ее реализации: автор не стал прибегать к сложным обходным маневрам, а решил ринуться в бой с открытым забралом. Уже в I-ой главе, обозначенной как «Коммутативная трансформация философии», даются определения исходных базовых понятий «коммуникация», «дискурс» и т.д. И уже здесь автору приходится вплотную столкнуться с философскими Сциллой и Харибдой: с одной стороны, нужно было пройти через сито дисциплинарного различения концепта и денотата определяемых понятий (например, смысловое и даже предметное значение термина «дискурс» в коммутативной практической философии и аналитической философии уже не тождественны. Автор, справедливости ради, не стал заслоняться именами переводимых авторов, а весь культурологи-

ческий груз ответственности принял на себя), с другой – нельзя было пренебрегать классическим предостережением: «Omnis defenicia paraculosa est!» («Всякое определение – опасно», в контексте коммуникативной реконструкции звучит несколько двусмысленно...). Автору, безусловно, удался раздел 1.2, где он отчетливо формулирует признаки теоретического обновления классического философского багажа, предложенного коммутативной философией, но (а французы правы, когда говорят: «В «но» можно уместить целый Париж»), как нам кажется, стремясь к окончательности своих формулировок, заключает о тождестве целого и части, когда общефилософскую проблематику он редуцирует до уровня этоса. Это особенно явно проступает в изложении раздела 2.2 («Нормы коммутативной этики»). Можно, конечно, возразить, что «без скорородки яичницы не поджаришь» и что этический разрез коммуникативной парадигмы задан изначально, но содержание и законы логики объяснения (а это – логика многоуважаемого автора) и логики понимания (наша логика), увы, далеко не всегда совпадают. В этом, кстати говоря, мы усматриваем не повод для упреков, а надежду на продолжение плодотворной работы: ведь учебник нужно будет переиздавать и желательно при этом увеличить объем, особенно I и II разделы. Например, говоря о содержательных противоречиях Канта и Фихте, было бы очень полезно не сводить весь философский пафос к различению только двух линий трансцендентного принципа и говорить преимущественно об иррациональном и рациональном характере его истолкования, а задать границы поля философской интерпретации Канта и Фихте более широко, расширив значение логических истолкований (принцип самотождественности Я изложен, на наш взгляд, способом, близким к модельному).

III раздел учебника мы оставляем без заме-

чаний хотя бы потому, что он более автологичен, чем иные разделы. К нему приложимы в общем виде наши скромные замечания, обращенные к I и II разделам.

IV раздел учебника «Этика и политика» может быть наиболее открыт для критики, основанной не на Апелевских текстах (может, поэтому они и приведены в тексте учебника), а на общефилософской традиции, восходящей к диалогу Сократа и Калликла, а еще точнее – к платоновскому «Горгию», где «справедливость по обычаю» сталкивается со «справедливостью по природе» (как тут не вспомнить Виндельбанда: «Вся философия состоялась в лице Платона, а все потом – лишь более или менее удачный комментарий к нему»). Действительно, тут обнаруживается стародавняя дилемма: надо выбрать либо «свободу в неравенстве» (как сейчас – либеральный дискурс), либо «равенство в несвободе» (как ранее – авторитарный дискурс). Видимо потому, формулируя задачи универсалистской постконвенциональной морали, автор аккуратно обходит проблему свободы (стр. 228) (речь идет о «равенстве, справедливости и солидарности как регулятивной идее»). Споры нет – проблема более чем острая, можно сказать, вековая, но все то же пресловутое «но». Это – не форма интеллектуального ехидства, а форма осознания чудовищной сложности задания предметных границ разных дискурсов, их координации, субординации, содержательной вместиимости (одно только содержательное шкалирование чего стоит или определение точки «культурного нуля», а это ведь одно из главнейших направлений морального развития общества в целом и составляющих его корпоративных солидарностей).

Последнее замечание невольно «накрывает» содержание V раздела: «Как лучше сказать обо всем и о каждом конкретно?». Тут вынужденно возникает скороговорка. Можно без удержу пуститься в пересказ ЕИСС – кодекс этики коалиции за социальную ответственность электронной промышленности, но тогда теряется общая нить. В ином случае за лесом деревьев не видать, ведь отраслей много. В целом, раздел «Этика и экономика», на наш взгляд, «просится» в отдельный учебник и заслуживает этого.

Вторая книга А.Ермоленко – «Социальная этика и экология» – изначально выигрывает сравнение с учебником «Коммуникативная практическая философия» уже хотя бы потому, что первая книга – монография, а вторая – учебник, который создать гораздо трудней, чем написать обычную книгу (методика изложения, форма и стиль изложения, уровень подготовки читающей аудитории и т.д.). К сказанному добавим, что интервал между изданием указанных книг, учитывая факт ускорения социального времени, немаленький и составляет

10 лет: если учебник был издан в 1999 г., то монография увидела свет позже и вышла в 2010 г.

Если же добавить, что по содержанию монография уже, чем учебник, то становится очевидным, что по формальным признакам монография «обыгрывает» учебник. При детальном ознакомлении с текстом монографии обнаруживается ряд новых качеств и признаков книги, которые позволяют утверждать, что подход автора к изучению и изложению ранее уже опубликованных тем и сюжетов существенно изменился в сторону как лучшей артикуляции содержания, так и смысловой лепки. В «Коммуникативной практической философии» автор по тем или иным соображениям ограничивает себя лапидарной характеристикой содержания пункта 5.2, которая звучит довольно обтекаемо – «Дискурсивная этика и экология», тогда как в оглавлении монографии та же тематика уже сверкает более отточенными и предметно-узнаваемыми формулировками: «Дискурс этики и экологии как комплексная проблема» – пункт 1.3 или «Этическая трансформация экономической рациональности» – пункт 6.3.

Уплотнение смысловой компоненты отмечается даже не столько в операциональном отношении, как было отмечено, сколько в достижении большей отчетливости при формулировке базовых, исходных положений концепции универсальных коммуникаций. Подчеркивая роль социальной этики в современной жизни людей, автор вскрывает роль языка не столько в ставших уже традиционными герменевтических истолкованиях понятийного мышления, его предметной нагруженности, т.е. движется не по классическому маршруту «объект-субъектного отношения», а переходит, как и К.-О. Апель, на иную замыкающую абстракцию, лежащую в сфере «субъект-объектных отношений». Это позволяет автору иначе скоординировать понятийные схемы и наполнить их иным содержанием. При подобном подходе кардинально меняется роль и место языка в истории человека, его существных сил, в том числе и в технике, и в технологии. Если в недавнем прошлом роль языка сводилась к объективации результатов рефлексии и истолковывалась преимущественно экспрессивно, то в настоящее время язык, понимание его природы все теснее ассоциируется с предпониманием, которое трансформирует вербальную ткань речевого общения в состояние языковой игры, которая уже может быть и невербальной.

Отвлеченные, на первый взгляд, от текущей реальности рассуждения коммуникативной философии становятся остро актуальными для нашей страны, когда речь заходит об оценке возможностей создания новой техники, а также о ценностно-нормативных аспектах техники и этических кодексах (с. 302-335).

Автор выделяет четыре основных возможных сценария технического развития, подвергая каждый из выделенных типов тщательно анализу. Оказывается, что классические и постмодернистские философские схемы, будучи приложимыми к обозначенному объекту исследования, дают сбой и уводят нас в сторону от действительных человеческих потребностей, фокусирующихся в понятии «общего блага».

Отсюда вытекает важный вывод: техногенный подход в чистом виде, как бы его не препарировать, не может быть представлен в виде объясняющей модели без органической связи с нормативно-ценностной природой коммуникаций социальных солидарностей. В свою очередь, все подходы не изолированы, даже в абстракции. Они пересекаются, дополняя друг друга. Для высшей технической школы последнее обстоятельство весьма ценно, так как интегрирует единый учебный модуль, внутри которого прежде всего образуется возможность для сплава философии, этики, техники, экологии и права. То есть от механической смеси учебных дисциплин внутри каждого из выделенных на-

правлений должно двигаться в направлении подлинного слияния технических и гуманитарных дисциплин для получения, как сказал бы Кант, морально-практического результата.

На наш взгляд, теоретико-методологическая проработка указанной тематики на совместных научно-практических конференциях была бы весьма полезна и фундаментальной, и прикладной науке, и образованию. Последнему особенно, если мы в системе технических университетов будем стремиться к совершенствованию подготовки экологов. Экологов-профессионалов подобное направление исследований не может не заинтересовать, и тогда, возможно, перед философской наукой возникнут иные возможности. О союзе естествоиспытателей и философов говорят уже давно, но реализация этой возможности только теперь проступает не как импульс, идущий от авторитарной власти, но как часть самореализующегося социального проекта, вплетенного в ткань коммуникаций ассоциированных личностей, разворачивающих свою сущность в мире демократических ценностей.

Чемшит Александр Александрович – доктор политических наук, профессор
Севастопольский национальный технический университет
Адрес: 99053, Украина, АРК, г. Севастополь, ул. Университетская, 33
E-mail: fsn.sntu@gmail.com

Chemshit Oleksandr Oleksandrovych – doctor of political sciences, Full Prof.
Sevastopol national technical university
Address: 33, Universitetskaya Str., Sevastopol, 99053
E-mail: fsn.sntu@gmail.com